

ББК 63.4(2Рос)

*И.А. Мейкшан***Кочевая элита: контуры понятия****I.A. Meikshan***Nomadic Elite: Concept Contours**

Представлены методические вопросы, связанные с изучением элиты кочевников Центральной Азии. Рассматриваются различные методологические подходы современной элитологии и возможности их применения на материалах кочевого общества.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевники, теория элит, кочевая элита, методика изучения.

Одним из направлений политической антропологии является изучение ранних форм политической и социальной организации кочевых обществ, механизмов реализации потестарных отношений в них. Особенности развития, а также институализации и осуществления власти в социуме номадов являются предметом длительных научных дискуссий, результаты которых нашли отражение в большом количестве исследовательской литературы [1–6]. В условиях современного плюрализма в отношении научных подходов представляется возможным рассмотрение феноменов социально-политической организации с позиции различных методологических установок, что позволяет раскрыть специфику и своеобразие общественных отношений номадов [7].

Следует отметить, что в рамках обозначенной проблематики анализ кратических отношений строится по принципу *правитель — общество*, где правитель — это лицо, исполняющее властные функции, а общество — объект, на который они направлены. Вследствие этого практически не предпринимается попытки анализа и реконструкции «правлящего класса» номадов, так как его по смысловой нагрузке заменяет собой понятие «правитель». Неравнозначность данных терминов определяется, с одной стороны, уникальным статусом правителя, что не относится в равной степени к «правлящему классу», с другой стороны, реализация власти предполагает наличие иерархии, которая не сводима к понятию «правитель». Таким образом, для раскрытия многообразия властных отношений кочевников необходимо обратиться к понятию «правлящий класс» — элита.

Основные принципы «теории элит» разработаны в трудах социологов Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса. Установки данного направления базируются на том, что во всех обществах, начиная с едва приближаю-

This article presents the methodological issues associated with the studying of elites of Central Asian nomads. The accent of the work lies on the different methodological approaches to modern elitology and their applicability to the materials of a nomadic society.

Key words: Central Asia, nomads, theory of elites, elite of nomads, methodology of studying.

щихся к цивилизациям и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят» [8; 9, с. 41–49; 10, с. 30–38].

В современной элитологии представлены различные модели, подходы и методы, которые используются в процессе изучения феномена элитизма [10, с. 197; 11, с. 25]. Они являются основной платформой для проведения социополитического анализа.

В процессе практического применения данных методологических установок были выработаны различные подходы в установке сущности самого понятия «элита». Наиболее распространенными из них являются ценностный, структурно-функциональный, альтиметрический, когнитивный [12, с. 93] и др. Существование элиты объясняется исключительной важностью функции управления, что, в свою очередь, детерминирует исключительность роли меньшинства людей, выполняющих эти функции [9, с. 67].

Большинство политологов, ведущих эмпирические исследования элит, обращаются к альтиметрическому подходу, предлагающему определение элиты в широком смысле, включающем не только лидеров, принадлежащих высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах местного масштаба» [13, с. 258].

В современной общественной науке представлен также синергетический подход, который позволяет рассматривать теорию элит как ключевой элемент, структурирующий социальное пространство. Элита с данной методологической позиции рассматривается как «совокупность носителей наиболее значимых ценностей определенного человеческого сообщества, которые признаются членами этого сообщества личностями, обладающие наивысшей компетенцией в какой-либо одной или нескольких видах деятельности

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья» (проект №13-31-01204)

этого сообщества — культурной, религиозной, политической, социально-экономической» [14, с. 75].

В настоящее время элита определяется как функциональная группа, выполняющая необходимые для любого общества обязанности. Она закрепляет за собой определенный статус, вырабатывает нормы поведения для лиц, входящих в нее, формирует свою субкультуру, отличающуюся от культуры масс, а также ограничивает себя от других, не привилегированных групп [9, с. 84]. Наличие таких специфических характеристик, как корпоративность и замкнутость во многом усложняют или даже не представляют возможным выделение кочевого типа элиты. Это обусловлено тем, что общественные отношения кочевников не достигли необходимого уровня развития, при котором проявляются черты элитизма в его современном понимании. Вследствие этого необходима адаптация имеющихся теоретических разработок к особенностям кочевого общества и формирование методики изучения кочевой элиты.

В целом, применение данной методики можно разделить на три операционных уровня изучения функционирования элиты в социокультурном пространстве. Функциональный уровень реализуется в определении роли элиты в развитии как отдельного общества, так и всего исторического процесса в целом. Определяя элиту как «ключевой элемент, структурирующий социальное пространство» [14, с. 75], исследователи признают исключительную необходимость ее функционирования для стабильного развития общества. Признаками кочевой элиты в первую очередь является реализация функций, имеющих общеимперское значение, каналы использования которых недоступны для большинства кочевников. К ним следует отнести выполнение редиистрибутивных и реципрокационных связей [5, с. 73–74], дипломатические [4, с. 194], регулирующие, религиозные функции [15, с. 50; 16, с. 63–65], организацию охраны подвластных территорий и руководство военными действиями и набегами на соседние владения с целью получения добычи [17, с. 27].

Культурный уровень включает в себя все многообразие проявлений «элитной культуры», отраженной в погребально-поминальной обрядности, вещевом комплексе, одежде, этикете, моде и др. Наиболее выразительными объектами в этом случае являются «царские», или элитные погребально-поминальные памятники Сибири и Центральной Азии. Традиция сооружения монументальных комплексов в этих регионах фиксируется с раннескифского времени по наиболее выдающимся курганам Алтая (Пазырык, Ак-Алаха, Башадар, Туэкта, Кутургунтас, Бугры и др.) [18, с. 8; 31], Казахстана (Иссык, Чиликта) [19–21], Тувы (Аржан-I, Аржан-II) [22–24], Хакасии (Салбык) [25] и др. В хуннское время продолжается традиция сооружения погребальных памятников элиты. Однако

при сравнении с предыдущим периодом они отличаются меньшими внешними параметрами, но сложностью внутримогильной конструкции. Примером тому служат погребения элиты хунну в горах Ноин-Улы [26; 27], в Ильмовой пади [28; 29] и пади Царам [30].

Кроме погребально-поминальных комплексов, маркирующими признаками элиты выступают престижные вещи, в первую очередь предметы импорта. Концентрируя в своих руках большую часть военной добычи, представители элиты отбирали наиболее ценные предметы, что выразительно демонстрируют курганы хуннских шаньюев [4, с. 199; 26; 30]. Владение богатством являлось важным фактором в формировании престижа правителя, так как наличие «бюджета» кочевого государства необходимо для реализации отношений престижной экономики и, следовательно, сохранения империи [4, с. 196–197].

На уровне мировоззрения, формируется представление о богоизбранности верховных правителей, а также о святости существующих социальных отношений. Как показали исследования, начиная со скифского времени прослеживается традиция сакрализации правителя кочевого общества Центральной Азии [15; 16; 31; 32]. Идея божественного происхождения правящей династии в структуре мировоззрения кочевников создает определенные предпосылки для формирования элиты. Это в первую очередь сложение группы лиц, связанных родственными отношениями, в виде священного рода или клана, а также ее замкнутость в отношении «профанного» большинства кочевников. Наглядным подтверждением этому, например, служит четкое разделение тюркского общества на «кара-бодун» (народ) и властную элиту, сохранившееся в текстах орхонских памятников [33, с. 99].

Подобная сегментация позволяет последовательно анализировать деятельность элиты на различных уровнях социокультурного пространства. В различные культурно-хронологические периоды значение определенных показателей будет изменяться, определяя тем самым динамику признаков элиты, однако сами по себе сегменты будут сохраняться.

Важным вопросом в изучении элиты кочевых народов Центральной Азии является выделение ряда отличительных признаков, характерных для данной социальной группы. Наиболее выразительными объектами в этом случае являются «царские», или, если выразиться более корректно, элитные погребальные и поминальные памятники Сибири и Центральной Азии. Совокупность признаков, определяющих элитный статус погребенного, возможно разбить на несколько групп: 1) надмогильное сооружение, курган; 2) особенности строения погребального сооружения; 3) количество и ценность погребального инвентаря; 4) косвенные предметы, найденные вне погребального сооружения. Основная группа маркирующих признаков элитных погребений включает в себя престижные

вещи, в первую очередь предметы импорта. Статус «престижности» предмета распространялся не только в среде, близкой к ставке правителя, но охватывал всю территорию кочевой мультиполитии. В связи с этим А. В. Харинский отмечал, что «обладание предметами, имеющими отношение к господствующему в регионе этносу, отражало важное социальное и политическое значение для жителей дальней периферии Центральноазиатского региона. Оно подчеркивало их культурно-политическую ориентацию и имело важное символическое значение» [34, с. 113–114].

Для каждого исторического периода центральноазиатского региона характерен свой набор предметов, обладающих наибольшей престижностью в кочевом социуме. В процессе изучения данного комплекса предметов возможно обозначить два этапа:

1) выделение в рамках культуры «эталонных» памятников, материалы которых способны наиболее полно характеризовать предметный комплекс элиты. Таким образом, наличие элементов данного комплекса в других погребениях будет отражать причастность погребенного лица к элитной группе. Данный подход обладает преимуществами в количественном отношении, однако качественные показатели, определяющие статус конкретной вещи, в данном случае во многом стираются. К числу подобных памятников относятся, например, Пазырыкские курганы 1, 2 и 5 [31, с. 24], курган Иссык [19], могильник Локоть-4а, курган 8, могила 2, 4, курган 9, могила 1, 2 [35, с. 124], Ноин-Ула, курганы 6, 20, 24 [26; 27] и др., каждый из которых маркирует собой особенности материального комплекса элиты той или иной культурно-хронологической эпохи Центральной Азии;

2) анализ погребального инвентаря памятников «маргинальных территорий», или культурных провинций и выделение из него предметов импорта. Данный подход позволяет обозначить в многообразии инвентаря «эталонного» памятника лишь те вещи, статус которых был наиболее престижным, так как распространение на обширные территории предполагает их высокую социокультурную значимость [36; 37].

В результате формируется оптимальный набор характерных предметов, наличие которых в погребении обозначает причастность умершего к элитной группе. Последовательный анализ предметов инвентаря «эталонных» и «маргинальных» памятников позволяет выявить комплекс вещей, на основе которого возможно обозначить погребения, принадлежащие представителям элиты «среднего звена» [38, с. 183–185].

Престижные вещи в погребениях кочевников центральноазиатского региона эпохи поздней древности и раннего Средневековья выполняют маркирующую роль социального статуса их владельца. К ним можно отнести такие предметы погребального инвентаря, как: 1) костюмный комплекс; 2) зеркала; 3) предметы вооружения; 4) пояса. Формирование престижного комплекса вещей, характерного для той или иной эпохи, позволит наиболее адекватно производить исследование кочевой элиты [39, с. 320].

Таким образом, имеющиеся теоретические разработки формируют методическую и методологическую основу изучения элитных групп кочевников. Необходимо учесть, что процесс формирования социальной и политической институализации древних и средневековых кочевых обществ находится на уровне становления. Тем не менее, начиная с раннескифского времени происходит процесс усиления социальной дифференциации, что позволяет говорить о начальном этапе сложения политической, религиозной и военной элиты. Фактической базой для проведения подобных социально-политических реконструкций является прежде всего сравнительный анализ материалов элитных и рядовых археологических памятников. Такой подход, в свою очередь, дает возможность сформировать совокупность признаков, определяющих различные группы элиты в кочевых обществах. Дальнейшее изучение обозначенной проблематики через разработку теоретических вопросов и анализ фактического материала позволят более подробно исследовать особенности возникновения и развития кочевой элиты.

Библиографический список

1. Васютин С. А. К проблеме социальной характеристики кочевых обществ степей Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: материалы Всероссийской научной конференции. — Барнаул, 1997.
2. Дашковский П. К. Особенности социальной структуры «пазырыкского» общества Горного Алтая // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. — Иркутск, 2003.
3. Крадин Н. Н. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации. — СПб., 2000.
4. Крадин Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. — М., 1993.
5. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М., 2002.

6. Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. — Барнаул, 2003.
7. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2009.
8. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. — 1994. — № 10.
9. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. — М., 1985.
10. Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г. Основы политической элитологии. — М., 1999.
11. Дольник И. Р. Естественная история власти // Знание — сила. — 1994. — № 10.
12. Гольгин Е. Н. Когнитивный подход к анализу практики политической элиты: идейные истоки и основные принципы // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Политические науки. — 2007. — № 6.
13. Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозаннский Э. Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. — М., 2001.
14. Васильева Л. Н. Теория элит (синергетический подход) // ОНС. — 2005. — № 4.
15. Дашковский П. К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. — 2007. — № 4 (2).
16. Дашковский П. К. О сакрализации правителей государственных образований номадов Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие) : материалы Междунар. науч. конф. — Улан-Удэ, 2005.
17. Кузьмин Н. Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1989. — Ч. 1.
18. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. — Барнаул, 2003.
19. Акишев К. А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. — М., 1978.
20. Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства») // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 98. — М., 1960.
21. Черников С. С. Загадка Золотого кургана. — М., 1965.
22. Грязнов М. П. Аржан. — Л., 1980.
23. Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции 2001 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2002. — № 2 (10).
24. Чугунов К. В. Аржан — источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. — СПб., 2004.
25. Кузьмин Н. Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. — СПб., 1994.
26. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.
27. Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 2.
28. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1976.
29. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). — Улан-Удэ, 2008.
30. Миняев С. С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 2.
31. Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (Ахлахинские курганы). — Новосибирск, 1994.
32. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. — М., 1997.
33. Васютин С. А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004.
34. Харинский А. В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004.
35. Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. — Барнаул, 2003.
36. Савинов Д. Г. Минусинская «провинция» хунну // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск, 2006. — Т. 2.
37. Ширин Ю. В. Археологические комплексы маргинальных районов как индикатор исторических процессов в эпоху железа на юге Сибири // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск, 2006. — Т. 1.
38. Мейкшан И. А. Престижные вещи как маркер элитных погребений кочевников Центральной Азии в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: проблемы, поиск, открытия. — Красноярск, 2011.
39. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Динамика признаков элиты и формирование религиозно-идеологического комплекса власти у кочевых народов Центральной Азии: к постановке проблемы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 3–7 мая, 2011 г. / под общ. ред. А. В. Харинского. — Иркутск, 2011.
40. Дашковский П. К. Начальный этап формирования религиозной элиты у кочевников Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всероссийской конференции. — Иркутск, 2009.